Все мультики разбежались

Почтальон Печкин спрашивал: “Что сегодня является главным украшением новогоднего стола? Елка, торт? Нет! Телевизор!”

На пике двухнедельных каникул наши обессиленные сограждане начинают возмущаться таким распорядком вещей и событий. Социальные сети взрываются вулканами совершенно фантасмагорических историй о том, как один выбросил все телевизоры в окно. Второй прекратил смотреть и дал страшную клятву, что покарает всех домашних обитателей, начиная с тещи и кота, кто прикоснется к пульту. Третьи проводят грустную статистику советской кинопродукции, современной попсы голубых огоньков и предсказывают скорый конец света. Мол, ничего более отвратительного (ничего менее отвратительного) не производилось и вообще, когда всё это кончится. Одним словом, мы опять проснулись в том городе, из которого когда-то сбежали, словно герой рязановского фильма.

Вот о последних и поговорим. Сейчас я, как и мои сограждане, измученный нарзаном и салатами, буду совершать социологическое исследование. Слабонервных прошу отойти от компьютера.

Но сначала я хотел бы напомнить о том, что круглосуточное вещание на территории страны началось в 2003 году, то есть чуть более десятка лет назад. До этого зрители любовались двумя доступными программами. В крупных городах было три или четыре рабочих кнопки, что не меняло общего фона тишины эфира. Сегодня в большинстве телевизоров несколько сотен каналов. Информационное вещание, шансон, оппозиция, классическая музыка, старое кино, индийское кино, советское кино, западное кино, а также: магазин на диване, вещание на национальных языках, мультфильмы, религиозные и юмористические каналы… И много еще всякого, а смотреть – нечего. За что боролись 25 лет назад у стен Белого Дома, сквозит в каждом выступлении записных блогеров, разве для этого мы разваливали Советский Союз? Опять по всем программам Простоквашино, в прямом и переносном смысле.

Возмущаются в основном сограждане, отмечающие полувековой юбилей. В девяностых годах, во время эпохальных, как казалось, перемен, в кипении и бурлении общества они были заводилами. Тогда они были в два раза моложе, активней и задорней. Теперь вся энергия переросла в диванное брюзжание.

Странным образом это поколение перекликается с “шестидясятниками”. Когда им было по 25 лет, они с ногами заскакивали на кафедру и, размахивая над головой курточкой, кричали: “Долой скучные семинары! Все на поэтические чтения в Политех!” И, словно молодым в девяностые, им казалось, что они сами сумели победить вековую косность мышления. Однако, дожив к периоду перестройки до пятидесяти, стали так же брюзжать. Журнал “Огонёк” или, скажем, газета “Московские новости” собирали вокруг себя, у стендов и киосков Союзпечати публику, которой позавидовал бы Цукерберг. Один из блогеров тогдашней прессы находил в колбасе туалетную бумагу и вся страна обсуждала эту глупость, другой рассуждал о том, что американцы и русские – удивительно похожие народы и им суждено быть друзьями во веки веков. Теперь им по семьдесят. Они с грустью взирают на возмущённых сотнями телеканалов пятидесятилетних, вспоминают себя в бурные девяностые и смотрят сказки с внуками.

Пройдет еще двадцать с небольшим лет, и мы будем с мудрым молчанием взирать на то, какими суетными персонажами трёхмерных голограмм будут скакать по нашим кухням Шарики и Матроскины, запуская лапы в салат оливье, который мы готовим; оставляя на столе отпечатки после селедки под шубой. Придут внучата и скажут: “Дедушка! Почему ты опять не выключил головизор, все мультики разбежались”.

Честно говоря, я бы и сам выкрикнул что-нибудь этакое, критическое в сторону сегодняшнего телевидения. Но, во-первых, в связи с общей обессиленностью организма пропал голос и настроение лирическое. Во-вторых, из-за природного скупердяйства не могу выбросить два телевизора. И в-третьих, посмотрел с удовольствием познавательный фильм о жизни итальянских фермеров – “Укрощение строптивого”. Законспектировал и теперь внедряю зарубежный опыт на родные почвы. Так что небольшая польза есть все-таки и от новогоднего эфира.